

ОТ РЕДАКЦИИ АД РЭДАКЦЫІ EDITORIAL

Советский Союз прекратил существование 30 лет назад. Завершилась история государства, целью которого провозглашалось создание всемирного Союза Советских Социалистических Республик и которое задумывалось как государство принципиально нового типа. Лозунги и декларации первых лет советской власти постепенно трансформировались, с течением времени СССР во все большей степени приобретал черты обычной (для классической исторической науки и политологии) страны. Однако степень этой общности была и остается предметом научных дискуссий. Во многом именно восприятие феномена СССР определяет позицию исследователей по отношению к факту его распада и принципиальную разницу в отношении к Советскому Союзу как к геополитической реальности и объекту исторического изучения.

Однако 2021 г. знаменует 30-летие не только распада СССР, но и обретения (восстановления) независимости целым рядом государств. Образ Советского Союза, советское прошлое оказываются крайне неоднозначными в исторической памяти и политике постсоветских государств. Расхождение в оценках, вероятно, будет только усиливаться по мере кристаллизации различных вариантов исторического обоснования современной государственности.

Советский период истории становится предметом не столько научных дискуссий, сколько полем идеологической борьбы, политической конкуренции, патриотической демагогии, фейковых сообщений средств массовой информации, т. е. всего того, что вошло в понятие «бои за историю». Отсутствие профессиональных научных навыков, методологии исследования, а также фрагментарное знание конкретного исторического материала не останавливают псевдоспециалистов в стремлении предложить (навязать) жестко детерминированную трактовку исторических событий. А значит, и оценка распада

СССР не только не будет однозначной, но и приобретет (а во многих случаях уже приобрела) антагонистическую форму: от катастрофы – до праздника.

В этой ситуации попытки разобраться в причинах распада СССР постепенно перемещаются из исторической науки в историческую политику, превращаются в задачу написания новых национальных историй, а также смены тех парадигм, которые создавались в советские годы. Поиск национальной самоидентификации сопровождался совершенно естественной критикой предшествующей историографической модели, направленной на доказательство исторической обусловленности совместного существования в рамках единого государства. Однако комплекс факторов, объясняющих распад Советского Союза, в научной литературе сформировался. Некоторые исследователи полагали, что причины носили субъективный характер, стали следствием конкретных ошибок советских политиков. Сегодня преобладает точка зрения о том, что распад СССР следует понимать скорее как итог деформации системы, чем как следствие частных событий.

Редакция предлагает вниманию читателей материалы, рассматривающие ряд аспектов истории советской эпохи.

В статье В. И. Меньковского, М. Шмигеля и Л. Дубинко-Гуци «“Голодные игры”: голод 1932–1933 гг. в исторической политике Украины и России» анализируется историческая политика Украины и России на современном этапе. В исследовании применена методология *historical memory studies*, т. е. исследование исторического сознания, коллективной памяти, исторической памяти. Методология основана на анализе ситуации, когда представления о прошлом, национальной истории зависят от ментальности и целеполагания конкретной социальной, национальной или иной группы. Объектом изучения стала современная общественно-политическая

ситуация в Украине и России, связанная с осмыслением и оценкой голода 1932–1933 гг. как в Советском Союзе в целом, так и в Украине в частности. Авторы рассматривают современную мемориальную культуру двух государств, в качестве центральных проблем выделяют вопросы региональной и национальной идентичности, формирование мифов национальной памяти. Рассмотрена трансформация мемориальных практик и законодательной базы России и Украины после распада Советского Союза. Авторы приходят к выводу о том, что дискуссия российской и украинской сторон сегодня превратилась в выстраивание схемы реверсивной истории, основанной на проекции настоящего положения дел в прошлое. В силу закрытости российских архивов найти принципиально новые свидетельства не представляется возможным и стороны часто прибегают к государственно-националистической аргументации. Обыгрывая название известного голливудского блокбастера, мы можем говорить о том, что «голодные игры» стали реальностью в современной политике памяти постсоветских государств.

И. И. Янушевич на примере православной и протестантских церквей рассматривает процесс вмешательства органов государственной власти во внутренние дела религиозных организаций в 1917–1928 гг. В статье проанализированы механизмы воздействия на верующих, клир и руководство этих структур. Определено, что основное давление оказывалось в целях получения поддержки, в том числе публичной, всех государственных решений, касающихся внутренней и внешней политики. Установлено, что уменьшить количество прихожан канонической Русской православной церкви власти планировали посредством предоставления преференций иным конфессиям и религиозным течениям, а также ее дробления путем инспирирования расколов. Изучена попытка передачи управления Русской православной церковью группе духовенства, сформированной государственными органами, неканоническим путем.

С. А. Елизаров в статье «Местная советская номенклатура БССР позднего сталинизма (1945–1953)» рассматривает процесс восстановления и развития номенклатурного механизма кадровой политики в БССР в первое послевоенное десятилетие, получившее в современной историографии название «поздний сталинизм». Основное внимание обращено на руководящих работников местных орга-

нов государственного управления – исполкомов Советов депутатов трудящихся. Характеризуются основные тенденции в трансформации организации номенклатурной практики – централизация и децентрализация. Выделены ключевые иерархические уровни номенклатур (от ЦК ВКП(б) – КПСС до райкомов и горкомов КП(б)Б – КПБ), показано их конкретное наполнение во временной динамике. Отмечается, что существовавшая иерархия номенклатурных должностей во многом более точно, чем их официальный административный статус, определяла реальное положение того или иного работника в структуре власти и управления. В начале 1950-х гг. постоянное обновление состава председателей местных исполкомов сменилось относительной стабилизацией. На руководящие посты в местные структуры государственного аппарата управления стремились назначать уже проверенных на различных руководящих должностях коммунистов с довоенным стажем. Уровень образования играл роль лишь для районной и городской местной административной иерархии, в отношении ее высшей ступени – председателей облисполкомов – главное значение по-прежнему имел опыт руководящей работы. Несколько возросли стаж работы на занимаемых должностях и общий стаж руководящей работы, повысился уровень образования у председателей районных и городских исполкомов, что позволило перейти на более высокие требования в подборе кадров (наличие специализированного высшего, технического или сельскохозяйственного, образования).

И. Л. Жеребцов и И. И. Лейман обращаются к рассмотрению основных аспектов истории создания Коми автономии. В статье отмечается, что в начале XX в. территория современной Республики Коми была разделена между четырьмя губерниями, но Усть-Сысольск воспринимался как неофициальный центр Коми края. Показано, что в 1918 г. политический деятель Д. Я. Попов предложил провозгласить Коми автономию, и эта идея осуществилась в 1921 г., когда была образована Коми автономная область. Важнейший вклад в этот процесс внес политический деятель Д. А. Батиев. Отмечено, что большинство политиков Коми выступали за создание автономной республики, но Коми Автономная Советская Социалистическая Республика была образована только в 1936 г., а территория автономии неоднократно менялась.